

Сергей Чурюмов

МИР СИМВОЛОВ
Символические языки

С подачи русского физиолога, впрочем, хорошо известного в научном мире Ивана Петровича Павлова (того, который ставил опыты над собаками и вырабатывал у них слюнный рефлекс на загорающуюся лампочку) в научный обиход вошли понятия первой и второй сигнальной системы (ПСС и ВСС соответственно). Первая сигнальная связана с непосредственным сенсорным восприятием окружающего мира, а вторая — с кодированием сенсорных образов с помощью слов человеческого языка.

В результате существования ПСС и возникновения ВСС человеческое сознание оказалось отгороженным от мира, в котором приходится существовать человеку, не одним барьером, как у животных, а двойным. Мир дан человеку, во-первых, в ощущениях, в связи с чем возникает раздвоение мира на Кантовскую вещь-в-себе и вещь-для-нас. А во-вторых, — в понятиях, представляющих собой несовершенную попытку интеллекта проникнуть за барьер ПСС.

Однако благодаря развитию и совершенствованию ВСС развиваются, с одной стороны, философские системы, а с другой — наука. Каждая из этих форм общественного сознания по-своему пытается разгадать Великую Тайну, скрывающуюся за завесой первой сигнальной.

В философии всегда преобладала интуитивная компонента человеческого познания, и ее главным объектом стала Истина — словесное обозначение Великой Тайны. Европейская философия, начиная с Древней Греции и до наших дней, использовала и исследовала большое количество интеллектуальных ходов и приемов и вплотную подошла к самым границам интеллектуальной рефлексии, но дальше этих границ она не проникла, да и принципиально не может этого сделать, что вполне объясняется ситуацией барона Мюнхгаузена, пытавшегося вытащить себя из болота за волосы (парадокс самоприменения).

В основе науки, в ее Ньютоно-Декартовском понимании, лежит сенсорная и логическая компонента познания в их рационализированном исполнении, а с этим связаны определенные ограничения, заведшие человечество в экологический тупик. В конце концов оказалось, что науке нечем особенно гордиться: то положительное, что она сделала для человечества с большим перевесом погашается тем злом, которое она принесла нашей цивилизации. Именно наука создала многочисленные предпосылки для возможного конца света: это и атомный арсенал, способный с более чем сорокакратным запасом разрушить Землю, и озоновые дыры, и экологическое истощение природы, и бактериологическое оружие, и вмешательство в генные механизмы, приведшее в появлению СПИДа, и многое другое.

Оказалось, что наука, несмотря на предполагаемый и демонстрируемый ею рационализм, идущий от Декарта и Ньютона, сама по себе, как система, иррациональна — она не способна предупредить отрицательные последствия своего функционирования, она не способна устранить отрицательные процессы внутри самой себя, а околонучное поведение многих ученых вызывает лишь отвращение. Однако сама о себе она хорошего мнения и довольно успешно занимается саморекламой, что легко объяснить ее близостью к средствам массовой информации.

Да, наука чуть-чуть приоткрыла завесу Великой Тайны, но это похоже на то, как если бы древоточцы, пытаясь “освоить” Сикстинскую Мадонну Рафаэля, прогрызли бы

несколько ходов в ее раме. Наука дала людям возможность увидеть невидимое, но ее убогий рационализм сумел извлечь из этого невидимого лишь материально-технические применения “на благо человечества” и продолжает исследования в том же материалистическом духе.

К счастью, кроме первой и второй сигнальных систем, существуют и другие, дающие возможность войти в непосредственный контакт с Великой Тайной. Именно к ним относится язык символов, у которого есть своя грамматика, свой синтаксис, свои правила и исключения.

В официальную науку язык символов начал проникать через психоанализ, который, впрочем, не получил широкого распространения в советской науке — особенной и особо антигуманной разновидности познания природы, что связано с добавлением к ньютоно-декартовским принципам принципа партийности, нашедшем ироническое отражение в шутке: “партия учит, что газы при нагревании расширяются”. В соответствии с этим принципом многие ученые преследовались и физически уничтожались, что лишь наносило ущерб обществу, а результатом является его сегодняшнее состояние. Но не будем о грустном.

Язык символов лишь в слабой степени подчиняется правилам формальной логики — в нем действует другая, интуитивная логика, ускользающая от рационалистического научного контроля, что как раз и не устраивает официальную науку. Но именно эта логика позволяет подойти к барьеру, отделяющему физический мир от тонкого мира.

Без использования языка символов невозможно творчество, источником которого являются процессы, совершающиеся в глубинах подсознания, нельзя получить доступ к непознанному и бесконечному.

Днем и ночью в речи, движениях, мечтах и снах мы прибегаем, замечая это или нет, к символам. Они формируют наши желания, побуждают нас к действиям, управляют нашими поступками. Они — зародыши наших успехов или неудач. Не будет преувеличением сказать, что не только мы живем в мире символов, но и что мир символов живет в нас.

Изучением языка символов сейчас в разных формах занимаются несколько научных дисциплин: история цивилизации и религии, лингвистика, антропология, искусствоведение, педагогика, психология, искусство торговли, пропаганда, политика и др. В последнее время появляется все больше исследовательских работ, в которых объясняются структура и функции воображения как источника символов. Сегодня уже непростительно недооценивать это. Все направления гуманитарных наук, все виды искусства на пути своего развития сталкиваются с символами. Их загадки они могли бы разгадать совместными усилиями. Объединившись, они могли бы мобилизовать ту колоссальную энергию, которая заключена в них.

Обращение к языку символов указывает на попытку человека разгадать загадку собственной судьбы и овладеть ею, на стремление избежать ударов, которые постигают его из окружающей темноты.

Что такое символ? Дать простое определение здесь не так-то просто, и именно потому, что он приближает нас к Истине, а Истина, как сказал замечательный украинский мыслитель В.А. Матвиенко, не имеет массы покоя. Ее невозможно определить, не прибегая к противоречию. Как только истина произнесена и зафиксирована, она тут же начинает искажаться и терять свой первоначальный смысл. Чтобы с ней работать, нужно использовать специальную технику.

Символ изначально соединяет в себе противоположности и крайности, давая целостное восприятие. Рационалистическая попытка формально-логически расчлнить

символ, анатомировать его равнозначна попытке врачей-хирургов в поисках секрета красоты разрезать прекрасную женщину. Символ изначально парадоксален — его нельзя постичь лишь одним интеллектом, потому что тогда Ахилес в парадоксе Зенона никогда не догонит черепаху. Кстати, о черепахах. Когда одной пожилой леди в рамках психологического семинара пришлось ответить на вопрос о том, что лежит в основе нашего мира, она не задумываясь сказала, что мир покоится на гигантской черепахе. А когда ведущий семинара (Милтон Эриксон) попытался уточнить, на чем же покоится сама эта черепаха, леди в полном сознании собственной безупречности, эмоционально жестикулируя, воскликнула: “Вы не собьете меня, я знаю — там черепахи до самого низу!” Это замечательный пример использования символа.

Чтобы передать значения, которые могут быть у символа, мы вынуждены пользоваться словами, но следует помнить, что слова неспособны передать все тонкости того, что стоит за символом. И по-видимому, каждый человек хоть раз в жизни побывал в ситуации, когда он пытался словами пересказать недавно виденный им сон — при попытке выразить словами, казалось бы, вполне конкретные образы мы сталкиваемся с тем, что смысл виденного блекнет или утрачивается вовсе. Символ многомерен, многозначен, парадоксален и в то же время информативен. Символ постоянно ускользает от однозначного понимания. Его значение то приоткрывается, то ускользает.

В знаменитой Вилле Мистерий в Помпее, которая многие столетия находилась под пеплом Везувия, была прекрасная картина в сиреневых тонах на красном фоне. Она намекала на разгадку тайны в обряде посвящения. Символы там изображены предельно точно, церемониальные действия обозначены, покрывало поднято, но для непосвященного тайна остается не раскрытой и полной намеков. Пусть этот образ послужит руководством к обращению с символами — с ними надо работать терпеливо и настойчиво, приучая сознание к ним, как приучают маленького пугливого зверька, готового при первом же проявлении небрежности или неосторожности спрятаться в норку.

Отметим, что как бы подробно мы бы не истолковали символ, он все равно остается полностью открытым для новых и новых толкований. Символ невозможно исчерпать, как невозможно исчерпать мир.

Пусть то, что будет предложено на страницах этого журнала, поможет читателю с развитым воображением использовать информацию не как какое-то окончательное знание, а скорее как стимул к дальнейшей работе. В соответствии со своими наклонностями и пристрастиями он может следовать предлагаемому толкованию или найдет свое. Ведь восприятие символов строго индивидуально, и не только из-за того, что определяется жизненным опытом каждого человека, но и потому, что зависит от личности конкретного человека в целом.

Таким образом, восприятие, и врожденное и приобретенное, зависит от биологического и психологического наследия человечества, уходящего на тысячи тысяч лет в глубь времен. На него влияют культурные и общественные особенности среды, в которой оно непосредственно развивается, а оно, в свою очередь, привносит в эту среду плоды неповторимого личного опыта и беспокойное разнообразие конкретных ситуаций. Символ обладает действительно исключительной особенностью — в одном единственном доступном для понимания выражении он способен объединить все подсознательные и доступные сознанию факторы, инстинктивные и духовные силы, сталкивающиеся между собой в конфликте или примиряющиеся в душе человека.

Строить законченную теорию символического языка крайне опасно, поскольку она неизбежно оказалась бы рационалистической, попыталась бы втиснуть символ и его понимание в прокрустово ложе формальной логики, а в результате Истина опять бы ускользнула. Классификация символов и отбор их толкований по связи с главной сутью символа таил бы в себе опасность изменения или сужения смысла, преувеличения основного значения символа и выдвижения на первый план чьего-либо личного мнения. Пусть за фактами сохранится их весомость, многозначность и неупорядоченность. Лучше избежать предвзятости чрезмерного теоретизирования, сохранив противоречия и проблемы, чем добиться иллюзорной ясности.

Само понятие символа в языке неоднозначно. Некоторые значения этого слова расходятся настолько сильно, что речь может идти об омонимах — словах, имеющих одинаковый внешний вид, но полностью отличающихся по смыслу. Поэтому перечислим некоторые возможные понимания этого слова.

Прежде всего в каждом конкретном случае следует отделить символический образ от всех остальных, которыми его подменяют, и притом довольно часто. Следствие таких подмен — деградация символов, которые постепенно утрачивают свою глубину в риторике, академизме, банальности. То, что значение таких образов сложно определить на практике, является дополнительной причиной их строгого разграничения в теории.

Эмблема — это видимый образ, воспринимаемый буквально, передающий некую идею, физическую или моральную сущность: знамя — эмблема родины, лавр — эмблема славы.

Атрибут — это предмет или изображение, которое служит опознавательным знаком для личности, общества или более отвлеченной сущности: крылья — атрибут общества воздухоплавателей, колесо — атрибут железнодорожного предприятия, дубина — атрибут Геракла, весы — атрибут Справедливости. В этом случае выбирается характерная деталь, которая определяет целое.

Аллегория — представление некоторых подвигов, ситуаций, доблестей, абстрактных сущностей в виде человека, что бывает чаще всего, а также животного или растения: крылатая женщина — аллегория победы; рог изобилия — аллегория благосостояния. Существует фундаментальное различие между аллегорией и символом: аллегория — это рациональная операция, не являющаяся переходом ни на новый уровень восприятия бытия, ни на более глубокий уровень сознания; это демонстрация на том же уровне сознания того, что уже может быть хорошо известно каким-то другим образом. Символ затрагивает уровень сознания, отличный от рационального и очевидного; он является **шифром** тайны. Это единственный способ выразить то, что иначе выразить невозможно. Он никогда до конца **не объясним**, и его всегда нужно заново разгадывать.

Метафора — это языковая аналогия, построенная на сравнении двух объектов, двух ситуаций.

Аналогия — это связь между двумя сущностями или понятиями, отличающимися по своей сути, но имеющими нечто общее: гнев божий, например, только в смысле аналогии имеет нечто общее с гневом людским. Построение аналогий и умозаключения на их почве — источник бесчисленных заблуждений.

Симптом — это изменение во внешнем облике или поведении, которое может говорить о каком-то нарушении или противоречии; **синдром** — это совокупность

симптомов, характерных для определенного состояния в процессе развития, на основании которой можно более или менее точно предвидеть будущее.

Апология — басня, поучительного содержания, выдумка с моральной подоплекой, предназначенная для того, чтобы изменить поведение человека, проведя его через определенную ситуацию.

Парабола — рассказ, который и сам по себе несет определенный смысл, но цель его — выразить нечто большее, преподать какой-то моральный урок, например, парабола о семени, которое падает на ту или иную почву.

Все эти образные формы выражения являются знаками и не поднимаются выше этого уровня. Они — средства общения на уровне воображения или интеллекта, играющие роль зеркала. Их назначение — привлечь внимание, и не более.

Замороженный символ, — говорит об аллегории Гегель;
семантика, высушенная до семиологии, — уточняет Жильбер Дюран.

Знак существенно отличается от символа тем, что это произвольное соглашение, и тем, что знак и означаемое остаются чужими друг для друга, тогда как символ предполагает *тождественность обозначения и обозначаемого в смысле динамичности организации* (Дюран).

Символ на самом деле создает новое. Он не удовлетворяется только тем, что вызывает ответную реакцию, он призывает к глубинному преображению.

Из вышесказанного становится ясным, что научные, алгебраические или математические символы — это всего лишь знаки, смысл которых раз и навсегда определен и установлен. Наука, основанная на субъективном восприятии, пользующаяся символами в настоящем смысле этого слова, не смогла бы существовать в том виде, в котором она существует сегодня.

Называть символами знаки, которые нужны для того, чтобы обозначить мнимые числа, отрицательные величины и т.д. — злоупотребление этим словом. И было бы ошибочным предполагать, что все возрастающая абстрактность научного языка ведет к символичности — это не так, потому что символ конкретен. Абстракция опустошает символ и порождает знак; искусство, напротив, избегает знаков и использует символы.

Некоторые догматические религиозные своды законов называют *символами веры*; но по сути они являются функциональными внутрикультовыми протоколами, с помощью которых опознаются приверженцы определенной веры, обряда, религиозной общины. В древние времена поклонники Кибелы и Митры имели свои символы; точно так же различные религиозные традиции — никейская, халкедонская, константинопольская — присвоили себе крестные символы, отталкиваясь от символа апостола. Но они не могут быть настоящими символами, так как являются всего лишь опознавательными знаками среди верующих и выражением догм их веры. Эти догмы носят однозначно трансцендентный характер, слова в них чаще всего употребляются в смысле аналогии, но они только тогда смогли бы стать символами, если бы из догматических утверждений можно было бы исключить любой буквальный смысл или свести их к мифу. Если же эти верования, при всем их объективном значении, рассматривать как центры объединения и вероисповедания, тогда они становятся символами единства верующих и указывают направление внутренней активности.

Итак, символ намного шире и глубже, чем обычный знак: он идет от обратной стороны значения, зависит от толкования, а оно, в свою очередь, зависит от определенной предвзятости. Символ наполнен аффектацией и динамикой. Он не

только каким-то образом предрекает, скрывая, но точно таким же необъяснимым образом строит, разрушая. Он играет ментальными структурами. Вот почему его можно сравнить с эмоциональными, побудительными и движущими **механизмами**, чтобы показать, что он направляет развитие всей психики. Он становится своеобразным центром притяжения психики в целом. Колесо на фуражке железнодорожного служащего — всего лишь знак, но оно становится чем-то совсем иным, когда его связывают с Солнцем, с космическими циклами, с оковами судьбы, с домами Зодиака, с легендой о вечном возвращении — тогда оно приобретает значение символа.

Знак ведет нас по хорошо наезженному пути к достоверному знанию, символ же предполагает разрыв плана, нарушение непрерывности, переход к другому типу упорядочивания, вводит в многомерные пространства.

Символы отличаются сложностью и неопределенностью, но при этом имеют определенную направленность, интенцию, поэтому их называют еще аксиоматическими образами, базовыми образами, на основе которых могла бы быть образована более сложная символическая структура.

Вплотную к понятию символа подходит то, что К. Г. Юнг назвал **архетипами**. Сюда же относятся и представления З. Фрейда о **врожденных фантазмах**, которые представляют собой *типичные структуры, носящие характер фантазмагорий (внутриутробная жизнь, первичные образы, кастрация, соблазн и соращение), в которых психоанализ видит определяющие факторы жизни воображения, независящие от личного опыта субъекта. Универсальность этих фантазий объясняется, по Фрейду, тем, что они составляют наследие, передаваемое генетически.* По К. Юнгу, архетипы существуют в человеческой душе как предопределенные **модели**, упорядоченные сами и вносящие порядок в подсознательную активность человеческой психики, они имеют собственную структуру, являются интуитивно и чувственно целостными, обладают формирующей динамикой. Архетипы проявляются как почти универсальные, врожденные или унаследованные психические структуры, как некая форма коллективного сознания. Они выражаются с помощью отдельных символов, наполненных громадной энергетической мощью. Они играют важную динамическую и согласующую роль в развитии личности. Всему человечеству присущи именно эти постоянные структуры, а не образы, которые могут меняться в зависимости от эпохи, страны и условий.

Мифы представляют собой драматургические воплощения архетипов, схем и символов как целостные композиции, эпопеи, сказки, космогонии, теогонии, эпизоды из истории борьбы высших сил, которые уже прошли процесс рационализации. Основная функция мифов — фиксировать типичные модели всех значимых человеческих поступков. Миф предстает как символическая арена внешней и внутренней борьбы, которую ведет человек на пути своего развития, в поисках своей индивидуальности. Миф в одной единственной истории объединяет множество аналогичных ситуаций; он позволяет обнаружить за живыми и живописными картинами, напоминающими мультипликационные фильмы, типы постоянно существующих связей, т.е. структуры.

Словом **символика**, с одной стороны, обозначается совокупность связей и толкований, относящихся к одному символу, — например, символика огня, а с другой стороны, — совокупность символов, характерных для одной традиции — символика Каббалы или Майя, символика романтического искусства и т.д. Этим же словом обозначается и искусство толкования символов с помощью аналитической

психологии, сравнительной этнологии, все способы и методики толкования, которые составляют искусство истолкования текста древних литературных произведений (рукописей, книг, памятников)

Символизм определяет теологические, экзотерические, философские или эстетические школы, для которых религиозные тексты и произведения искусства не несут в себе буквального или объективного значения, а только символические и субъективные выражения чувств и мнений. Слово “символизм”, кроме того, означает способность некоторого образа или реального явления служить символом. Например, *символизм* луны отличается от *символики* луны, так как под последней мы подразумеваем совокупность символических связей и толкований, которые пробуждает луна, а символизм связан только с общим свойством луны, как возможной основы символа. То же самое можно сказать об индуизме, христианском или мусульманском символизме, когда мы хотим обозначить не столько совокупность символов, навеянных этими религиями, сколько общую концепцию символов и их действенность в области этих религий.

Символ разделяет и объединяет. Он содержит в себе оба понятия: разделение и объединение. Он напоминает о единстве, которое было разделено, и которое может снова быть восстановлено.

История символов доказывает, что любой предмет может получить значение символа, независимо от того, природного ли он происхождения (камни, металлы, деревья, цветы, плоды, животные, источники, реки и океаны, горы и долины, планеты, огонь, молния и т.д.) или абстракция (геометрические тела, числа, ритм, идея и т.д.). Символ, в том смысле слова, который придает ему Фрейд, — это *косвенное, фигуративное, более или менее сложно разгадываемое выражение желания или конфликта*. Символ — это *связь, объединяющая очевидное содержание любого поведения, мыслей или слов с их скрытым смыслом... Если мы, например, в чем-то поведении смогли обнаружить хотя бы два значения, одно из которых заменяет другое, одновременно и скрывая, и обнажая, то можем назвать их связь символической*. Эту связь отражает определенное постоянство между очевидными и скрытыми элементами символов.

Для большинства психоаналитиков то, что выражается через символ, обязательно является подсознательным. Чем меньше ребенок подавляет и скрывает свои желания по сравнению со взрослыми, тем меньше символичности и больше ясности в его снах. Таким образом, сон не должен быть всегда и полностью символическим, а методики толкования должны приравниваться к каждому конкретному случаю, четко разделяя простые ассоциации и символы в строгом смысле этого слова.

К. Г. Юнг считает, что символ ничего не скрывает, не объясняет, а направляет к значению, которое еще за пределами, неуловимо, смутно различимо, которое нельзя выразить ни одним словом языка, на котором мы говорим.

Вернуть значимость символу ни в коем случае не означает, что нужно стать на путь эстетического и догматического субъективизма. Речь вообще идет не о том, чтобы из произведений искусства изгнать элементы разумного описания непосредственного выражения или выбить из-под догм и открытий их исторические опоры. Символ остается в истории, не отменяя, не уничтожая знаки. Он привносит в них еще одно измерение. На факте, предмете, знаке он строит внерассудочные, относящиеся к области воображаемого, отношения между уровнями существования и между космическими, человеческими и божественными мирами.

Символ как *трансцендентная категория возвышенного*, неземного, бесконечного, открывается всему существу человека, и его разуму, и его душе. Символизм — это непосредственная мысль наполненного сознания или человека, осознающего свое положение в мире. Символ существует только на уровне субъекта, но основа его на уровне объекта. Символ — это категория возвышенного, но это и одна из категорий невидимого.

Символическое понимание глобально, относительно, непостоянно и индивидуализировано. Оно всегда нарушает схемы, механизмы, понятия, предубеждения. Оно никогда не достижимо окончательно, не является чем-то общим для всех символов.

Символ выходит за границы чистого разума, но при этом не доходит до абсурда. Он не появляется, как зрелый плод логических выводов в конце безупречного доказательства. Анализ, препарирующий целое на части и частности, не может проникнуть в богатство символа. У интуиции это тоже не всегда получается — для этого она должна быть необыкновенно всеобъемлющей и чувствительной, т.е. должна ощущать определенное видение мира. Достоинство символа заключается в том, что на факторе, с которым он связан, — разлуке, луне, быке, лотосе, стреле — он сосредоточивает все силы, навеянные этим фактором и его аналогами на всех уровнях космоса и на всех уровнях сознания. Каждый символ — это микрокосм, целый мир. Его глобальный смысл невозможно уловить, нагромождая подробности с помощью анализа — необходим медитативный взгляд. Одна из важных черт символа — это симультантность, одновременность открываемых значений. Водный или лунный символ действует на всех уровнях реальности, и эта многозначность открывается симультантно, одновременно.

В легендах племени кайдара старик, нищий (посвящающий в тайны) говорит гаммадию (паломнику, ищущему знания): Брат мой, знай, что каждый символ имеет одно, два или несколько значений. Это дневные и ночные значения. Дневные — благотворны, а ночные — губительны.

При всем многообразии образов и толкований одной из особенностей символа является **постоянство** того, что он выражает связь между символизирующим и символизируемым: перевернутая чаша, символизируя небо, выражает не только видимое подобие, но и все, что небо пробуждает в подсознании: защищенность, уверенность, существование высших существ, источник развития и мудрости и т.д. И когда чаша принимает форму купола в христианском соборе или мечети, форму шатра у кочевников, бетонного укрытия в оборонительной линии, остается символическая связь между двумя понятиями — чаши и неба, связь постоянная, независимо от уровня сознания и прямой пользы.

Вторая особенность символов состоит в том, что они **пронизывают друг друга**. Их не разделяет никакая непроницаемая преграда: всегда есть возможность связать один с другим. Нет ничего более чуждого символическому мышлению, чем исключительность положения или принцип исключенного третьего. Все символы обладают тем, что К. Г. Юнг называет *родством сущностей*.

Символы всегда **многомерны**. Они выражают связи земля—небо, время—пространство, земное—запредельное, как чаша, повернутая к небу или к земле.

Символ связан со всеохватывающим опытом. Мы не сможем понять его значимость, если не сместим свой дух в ту глобальную среду, в которой он по-настоящему живет.

Литература:

1. *Ганс Бидерманн*. Энциклопедия символов. — М., 1996.
2. Эмблемы и символы. — М., 1995.
3. *Ж. Шевалье, А. Гербрант*. Словарь символов.— 1986.
4. *Джон Фоли*. Энциклопедия знаков и символов. — М., 1997.